

ВСЕГО ГОД ОСТАЛСЯ ДО НОВОЙ
ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ.
ПОДГОТОВКА К НЕЙ
УЖЕ ИДЕТ ПОЛНЫМ ХОДОМ.
В ДОМ КАЖДОГО СОВЕТСКОГО
ЧЕЛОВЕКА ВОЙДЕТ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТАТИСТИКИ.
И ДОЛГ КАЖДОГО —
ПОМОЧЬ ЕМУ,
ЧЕСТНО И ОБЪЕКТИВНО ОТВЕТИТЬ
НА ВОПРОСЫ СЧЕТЧИКА.
ЭТО ТЕМ БОЛЕЕ ВАЖНО,
ЧТО ПРЕДСТОЯЩАЯ ПЕРЕПИСЬ
1989 ГОДА БУДЕТ НЕОБЫЧНА.
В НЕЙ ВПЕРВЫЕ ВМЕСТЕ
С ПОДРОБНЫМИ ДАННЫМИ
О ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ
НАСЕЛЕНИЯ
БУДУТ СОБРАНЫ СВЕДЕНИЯ
О ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЯХ
НАСЕЛЕНИЯ.
В ЭТОМ НАХОДИТ ВЫРАЖЕНИЕ РОСТ
ВНИМАНИЯ К НУЖДАМ ЛЮДЕЙ.
ВЕДЬ ТОЛЬКО ВСЕСТОРОННЕЕ
ЗНАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И
УСЛОВИЙ ЕГО ЖИЗНИ ДАЕТ
ВОЗМОЖНОСТЬ ТОЧНО
ПЛАНИРОВАТЬ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СТРАНЫ.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ
ВСЕХ И КАЖДОГО.
СЕГОДНЯ НАША СТРАНА
СТАЛКИВАЕТСЯ
С СЕРЬЕЗНЫМИ ПРОБЛЕМАМИ
В ЭКОНОМИКЕ.
ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН ТАКОГО
ПОЛОЖЕНИЯ
СТАЛО ВОЛОНТАРИСТСКОЕ
ОТНОШЕНИЕ К СТАТИСТИКЕ
В ПРОШЛОМ.
КАЗАЛОСЬ БЫ, ЦИФРЫ —
УПРЯМАЯ ВЕЩЬ,
НО, КАК ТЕПЕРЬ СТАЛО ЯСНО,
ВЕЛИК БЫЛ СОБЛАЗН ПРИУКРАСИТЬ
ИХ ИЛИ ЗАТЕНИТЬ.
И СОЗДАВАЛАСЬ ВИДИМОСТЬ
БЛАГОПОЛУЧИЯ.
А ЭТО И СПОСОБСТВОВАЛО ЗАСТОЮ.
СТАТИСТИКА ТРЕБУЕТ МУЖЕСТВА
И ЧЕСТНОСТИ.
ДАЖЕ ЕСЛИ ПРАВДА
ГОРЬКА НА ВКУС.
НО ТОЛЬКО ЗНАНИЕ ИСТИННОГО
ПОЛОЖЕНИЯ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ
ОБЩЕСТВУ УСПЕШНО РЕШАТЬ
ПРОБЛЕМЫ.
А ГЛАСНОСТЬ ПОМОГАЕТ
МОБИЛИЗОВАТЬ ВСЕ СИЛЫ
ДЛЯ БОРЬБЫ С НЕДОСТАТКАМИ.

СКОЛЬКО ТОГДА

Марк ТОЛЬЦ,
демограф

Об этой переписи вспоминают редко. Даже сейчас ее, кажется, опять сбрасывают со счета. Иначе почему руководство статистической службой страны говорит, что было шесть переписей населения в истории Советского государства? В том, что это не так, легко убедиться. Первая послереволюционная перепись населения была в 1920 году. Вторая прошла в 1926 году. За ней была та самая перепись 1937 года. А когда не признали ее итогов, была проведена новая перепись в 1939 году. После войны прошли переписи в 1959, 1970 и 1979 годах. Так что советских переписей уже было семь.

Память не должна пройти мимо явного «спрямления» истории. Ведь то, что стоит за этим, не может быть предано забвению. В моей жизни была встреча, которая показала, как горька эта память.

...Та научная конференция была первой для меня. Ему же еще оставалось прожить всего семь лет. К двум книгам за это время добавится третья. Михаил Вениаминович Курман, как звали старого статистика, был одним из тех, кого называют «живой историей». Еще бы: в тридцатые годы он работал в ЦУНХУ Госплана СССР начальником сектора населения, заместителем начальника отдела. Статистика тогда непосредственно подчинялась Госплану, и ведомство, где она была сосредоточена, называлось Центральное управление народнохозяйственного учета (ЦУНХУ).

Помню, как рад был Курман, что в новом учебнике демографии уже не было обвинений в адрес тех, кто проводил перепись 1937 года. Естественно, я мало слышал до того об этой переписи. Он говорил и говорил... Видимо, старый статистик хотел, чтобы мы знали в конце концов, что стояло за этим. И рассказывал, как я потом узнал, не мне одному — многим. Ведь это больше, чем просто история одной переписи.

Получилось так, что в трудных условиях тех лет переплелось в одном узле многое. Профессиональное служение было неотделимо от событий истории страны: численность населения стала тогда больше чем цифрой в ряду других.

Когда подвели первые итоги переписи 1937 года, оказалось, что они сильно разошлись с ожидаемой цифрой населения. А ведь она неоднократно повторялась и была известна всем — 170 миллионов. Произошло то, чего, как вспоминал Курман, статистики опасались еще с 1934 года. Именно тогда на XVII съезде ВКП(б)

И. В. Сталин назвал ту далекую от истины цифру населения страны, говоря о его росте: «168 миллионов в конце 1933 года».

Статистика населения в те годы оказалась в трудном положении. В 1932 году В. В. Осинский, тогдашний начальник ЦУНХУ, откровенно писал: «Пока в основу второй пятилетки кладутся совершенно устаревшие цифры переписи 1926 года с приложениями расчетного характера и с поправками на основе отрывочных сведений о движении народонаселения». Дело регистрации актов гражданского состояния во многих частях страны было поставлено плохо. Многое из сделанного в двадцатых годах было нарушено в начале тридцатых. И, например, в 1934 году, за который есть сведения, более четверти населения вообще не было охвачено учетом. А там, где он существовал, в отчеты попадали в первую очередь данные по крупным населенным пунктам, где положение было наиболее благоприятным по условиям жизни.

В этих условиях при определении численности населения приходилось прибегать к прикидкам, и они всегда тяготели к максимуму. Так, во второй половине двадцатых население страны росло примерно каждый год на три миллиона человек. Но эти цифры переносились на начало тридцатых годов. Сталинские 168 миллионов — это как раз такой рост за семь лет от переписи 1926 года, которая прошла в декабре.

Но обращает на себя внимание странное обстоятельство. Все публикации ЦУНХУ о численности населения страны обрываются данными на начало 1933 года — 165,7 миллиона человек. Эта цифра повторялась во всех справочниках до переписи 1937 года. А вот цифры 168 миллионов в справочниках ЦУНХУ не найти. Почему?

Как вспоминал Курман, статистики не давали И. В. Сталину этой цифры. И не удивление, а страх вселила она. У них, специалистов, должен был возникнуть вопрос: что будет, когда пройдет перепись? Ведь ясно было, что говорить о росте населения в 1933 году — значит говорить неправду. Да, учет был плох. Проверки, в которых принимал участие Курман, показывали тогда сокрытие большого числа смертей от учета. Но каким было истинное положение, статистики знали.

...В 1932 году на юге страны разразился сильнейший неурожай. В колхозах Северного Кавказа и Нижнего Поволжья средний урожай зерновых с одного гектара в том году не достиг и четырех центнеров. Немногим выше, даже по отчетам, он был и на

Украине. К трудностям периода индустриализации и коллективизации, которые с начала тридцатых годов резко снизили рост населения, добавились тягчайшие последствия этого бедствия.

Голод охватил прежде всего ту часть населения страны, которая обычно ее кормила. Первыми жертвами становились дети. В деревнях погибали целые семьи. Ведь известно, что для выполнения плана в тех трудных условиях во многих местах при заготовках зерна вывозился весь хлеб без исключения. Это коснулось даже того зерна, которое предназначалось на фураж или было выдано в виде аванса по трудодням. Потом будут приняты меры для исправления этих «перегибов», но они уже успеют нанести свой непоправимый урон.

Долгое время ставшая традиционной формула «трудности периода индустриализации и коллективизации» как бы не подлежала расшифровке. Но теперь пришло время сказать, что скрывалось за ней. Иначе трагические события, предшествующие переписи 1937 года, так и будут оставаться нерасшифрованными.

Как складывались условия жизни в те годы? Определялись они прежде всего строжайшим нормированием и ограничением потребления. С 1929 года в городах нормирование снабжения хлебом и сахаром стало повсеместным. Оно распространилось и на другие продукты, а также и некоторые промышленные товары. Конечно, это было связано со снижением сельскохозяйственного производства в период коллективизации. Одновременно возросли заготовки сельскохозяйственных продуктов. Этого требовал не только быстрый рост городского населения. Необходимо было найти средства для ускоренной индустриализации. И, чтобы дать необходимую технику народному хозяйству, страна была вынуждена идти на закупки за рубежом. В 1931 году советские закупки составили треть всего мирового экспорта машин и оборудования, а в следующем году их доля составила даже около половины в этой части мирового экспорта. Но что мы могли продать взамен? Немного, в том числе зерно. И в этих условиях величайшего напряжения разразился неурожай 1932 года.

Подлинные масштабы этого бедствия, видимо, неизвестны нам до сих пор. Именно сельскохозяйственная статистика «прославилась» в те годы явными фальсификациями. Известно, что данные о производстве зерна с 1933 года в результате манипуляций с методикой стали заведомо преувеличиваться. Какие это приняло размеры, видно на следующем приме-

ре. На том же XVII съезде ВКП(б) в докладе И. В. Сталина производство зерна в 1933 году было названо 89,8 миллиона тонн. В настоящее время Госкомстат оценивает его в 68,4 миллиона. А за более ранние годы цифры и сейчас печатаются прежние. И, судя по ним, никакого неурожая 1932 года в целом по стране не видно. А разве приписки появились у нас вчера или позавчера? Но в недавно вышедшем юбилейном статистическом ежегоднике опять повторяются старые цифры. Для 1932 года — 69,9 миллиона тонн, что на 0,4 миллиона тонн БОЛЬШЕ урожая зерновых 1931 года. И напротив, для 1934 года Госкомстат сейчас дает цифру на 2,3 миллиона тонн МЕНЬШЕ по сравнению с 1932 годом. Но ведь с 1 января 1935 года карточки на хлеб были отменены! Пора, наверное, эту загадку решить.

Впрочем, ясно и так, что жизнь для населения складывалась чрезвычайно трудно. Это видно, например, по цифрам производства молока, резкое снижение которых может быть показателем положения с детской смертностью. В 1933 году производство молока было не больше, чем в голодном 1921 году: ведь в годы коллективизации резко сократилось поголовье стада.

...Долгое время мне не удавалось найти цифры, по которым можно было судить о том, что же в действительности произошло в 1933 году с численностью населения. В одной из работ выдающегося демографа Б. Ц. Урланиса я встретился, наконец, с интересовавшими меня цифрами. Ведь в своей книге «Проблемы динамики населения СССР» среди других тем он рассмотрел прошлый опыт предвидения будущей численности населения страны. Ученый проанализировал, как расчет, по которому рождаемость и смертность принимались постоянными на уровне середины двадцатых годов, на последующий период, разошелся с действительностью. По этому расчету население СССР на 1 января 1933 года должно было составить 167,7 миллиона человек. «Отклонение расчетных данных от действительности, — как писал Б. Ц. Урланис, — составляло примерно 7 млн. человек». А затем, рассматривая, как далеко отклонился от действительности прогноз на первую пятилетку, автор оценивает численность населения страны на первое апреля того же года в 158 миллионов человек. Из этих цифр видно, что в 1933 году население страны не только не росло, а, напротив, уменьшилось!

И теперь можно представить, насколько оно (по Урланису примерно на целых десять миллионов!) было далеко от сталинской цифры.

А вот другие данные, показывающие тогдашнее положение. Известно, что в 1933 году даже в городах европейской части страны число рождений уступало числу смертей.

Это, наконец, объясняет и другую загадку — почему к моменту переписи тогда писали о 170 миллионах. Ведь в 1935 году И. В. Сталин говорил о ежегодном приращении на «целую

ЖЕ НАС БЫЛО?

Финляндию». Однако, что это было не так, молчаливо признавалось. Вот и получалось, что фигурировали две цифры: 168 миллионов на конец 1933 года и 170 миллионов к началу 1937 года.

Но перепись не подтвердила даже этих цифр. Она дала меньше того, что было опубликовано для начала 1933 года!

Статистики, конечно, могли ошибаться. Не ошибался, как тогда считалось, только один человек. А он, не признавая действительного хода дел, объявил на съезде, что население страны достигло 168 миллионов. Эта цифра вопреки всему повторялась во всех изданиях его трудов. Непогрешим — и все!

Вскоре после переписи были арестованы те, кто отвечал за ее организацию. На их головы обрушились чудовищные обвинения. Сейчас все эти люди реабилитированы. Но, к сожалению, было и осталось другое, в чем пора разобраться, — утверждение, что перепись была проведена с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а ее итоги лживы. Только рассмотрев эту сторону событий, можно разобраться в них до конца.

Руководство переписью 1937 года было возложено на специальное бюро переписи населения. А возглавлял его Олимпий Аристархович Квиткин. К счастью, после предпринятых в начале семидесятых годов разысканий С. И. Пирожкова нам известна теперь биография этого видного статистика, погибшего в 1939 году. Это тот случай, когда благодаря настойчивым усилиям молодого ученого были собраны воспоминания людей, которых вскоре не стало. А как часто мы опаздываем!..

Вот некоторые вехи жизненного пути Квиткина. Активное участие в революционной деятельности в девятые годы прошлого века. Тюремное заключение. Ссылка в 1901 году в Вологду. Избрание делегатом третьего, четвертого и пятого съездов РСДРП. Он прошел замечательную школу работы в земской статистике. Учился в Сорбонне. В ЦСУ начал работать вскоре после его образования с февраля 1919 года, причем статистика населения постепенно сделала его специальностью. Квиткин участвовал в первой послереволюционной переписи 1920 года. В 1923 году он был одним из руководителей специальной городской переписи. Потом была перепись 1926 года, которая впервые охватила все население СССР. Именно Квиткину мы обязаны фундаментальным изданием в 56 томах итогов этой переписи. Замечу, что подобного по полноте издания итогов переписи больше не было. Теперь, когда стали известны материалы архивов тех лет, ясно, каким несомненным авторитетом он пользовался среди специалистов.

...Ответ, что же в действительности произошло, я нашел на страницах старого журнала «План», кото-

рый издавался в тридцатые годы. Оказывается, статистики под руководством Квиткина готовились к другой переписи. И готовились основательно. В 1932 году была даже впервые в практике нашей статистики проведена ее генеральная репетиция — пробная перепись. Однако сроки самой третьей советской переписи несколько раз переносились. В июне 1935 года постановлением Совнаркома она была назначена на декабрь 1936 года.

Времени для ее подготовки за полтора года было достаточно. Постепенно набирала силу работа по организации переписи. На перепись отводилось пять дней в городах и семь дней в деревне. Подготовленный под руководством Квиткина проект программы учитывал накопленный до того опыт. Но знакомство с вопросами, которые были в проекте, показывает, что далеко не все они сохранились потом. Предполагались вопросы о месте рождения и продолжительности проживания, намечен был сбор подробных данных о семьях.

Но затем в конце апреля 1936 года Совнарком принял новое постановление о переписи. В нем многое было изменено в корне. Перепись перенесена на самое начало января 1937 года, что, как потом оказалось, было неудобным временем. И должна она была стать «однодневной». Счетчикам заранее надо было заполнить переписные листы. А потом за один день 6 января уточнить их. Записать тех, кто подлежал переписи в данном месте, но не был раньше внесен в листы. И вычеркнуть тех отсутствовавших, которые должны были быть переписаны в других местах. На один день предстояла колоссальная работа. В некоторых городах счетчику надо было обойти до 230 человек! Заданный темп потребовал небывалого числа участников переписи. Свыше одного миллиона! За десять лет до того, в переписи 1926 года, их было примерно в шесть раз меньше. Даже в последней переписи 1979 года, которая учла на 100 миллионов человек больше, чем тогда, в 1937 году, работало 900 тысяч участников.

Число вопросов в переписном листе было ограничено четырнадцатью. И среди них появился единственный раз в истории советской статистики вопрос о религии. А ведь в 1920 году вопрос о вероисповедании по предложению В. И. Ленина был исключен из программы первой послереволюционной переписи. Кто же включил его в переписной лист 1937 года? Есть все основания считать, что и здесь инициатива исходила не от статистиков. Разве могло тог-

да такое важное событие, как перепись, готовиться без окончательного утверждения И. В. Сталиным?

До начала переписи оставалось всего восемь месяцев. Предстояла гигантская работа: надо было напечатать бланки и инструкции, подобрать и обучить огромную армию счетчиков.

Первого января началось предварительное заполнение переписных листов, когда еще во многих квартирах продолжалась встреча Нового, 1937 года. Все это мешало работе счетчиков. Много хлопот доставил вопрос о религии. Сохранилось свидетельство М. Зощенко: «Неожиданно этот пункт оказался наиболее трудным и «капризным». Многие из опрашиваемых отказывались отвечать на этот вопрос. Одна из женщин спросила счетчика: «Правда ли, что в паспортах будут ставить штампы, если человек верующий?» Счетчику понадобилось много труда, чтобы уверить ее в том, что никаких отметок в паспортах не делается». Наблюдательный М. Зощенко справедливо писал, что счетчикам «было нелегко». И слова эти принадлежат знающему человеку. В 1923 году писатель принимал участие в качестве счетчика в городской переписи.

И опять старый вопрос: какова точность цифр, полученных в тех трудных условиях? По одним оценкам, размер недоучета в 1937 году составлял 0,33 процента. Но пусть он даже и был выше в три раза — тогда речь может идти о 1,7 миллиона. В то время как разница между 170 миллионами и оценкой в 163,8 миллиона, опубликованной в шестидесятые годы ЦСУ, составляет 6,2 миллиона.

...Есть и другие свидетельства: как ни странно, это обвинения в адрес руководства переписи, которые выдвигали после признания ее итогов дефектными. Говоря о недоучете населения, прежде всего называли Украину и Казахстан. Но проведенная в январе 1939 года новая перепись показала, что в Казахстане население увеличилось только на один процент по сравнению с данными переписи 1926 года. А для Украины расчеты показывают примерно такое же увеличение как раз к началу 1937 года. Все это говорит о том, что данные переписи 1937 года должны серьезно рассматриваться как статистическое свидетельство.

А что было потом? Цифры якобы показывают рост населения на три миллиона ежегодно. И это в 1937 и 1938 годах? Но, как вспоминал Курман — и говорил это со знанием дела, так как отвечал за текущий учет населения, — до переписи 1937 года данные о смертности лиц в заключении не попадали в ЦУНХУ. Но разве к следующей переписи практика была изменена? И тогда встает другой вопрос: не было ли, наоборот, двойного счета, а значит, и преувеличений в численности населения в итогах переписи 1939 года? Ведь эта перепись как раз и дала ту цифру, которую не получили в 1937 году, — 170 миллионов человек в государственных границах тех лет...

Вряд ли многое могло сохраниться от той переписи, рассказ о которой подводит к концу. Правда, недавно в одном из журналов со ссылкой на Е. Ярославского встретились данные переписи 1937 года о религиозности. Это подтвердило рассказ Курмана, что такие данные успели получить. Ну, а что было и сохранилось еще? Для демографии тридцатые годы остаются белым пятном. Что за ним — большей частью пока неизвестно. Сможем ли мы найти когда-нибудь точный ответ? Слишком мало верных свидетельств демографам оставили те годы. Но искать мы должны. Ведь без знания истории населения нет знания истории страны!

Владимир ДАГУРОВ

* * *

Кривые улочки Москвы, вы — словно крона вековая, но не сносить вам головы — увы, не вывезет кривая! Но отчего же в горле ком и неподвластен сердцу разум, и скучно, скучно прямоком пешком гулять по новым трассам? Во мне откуда, в молодом, эпохи прошлой пережиток? — гляжу с восторгом я на дом с фасадом глянцевым из плиток, на завитушки теремов, на шпиль московского барокко... Не оттого ль, что меж домов легла Истории дорога? Не оттого ль, что пращур мой, ограничав мячковский бел-камень, мечтал нетленной красотой явиться правнуку на память? Столица, душу окрыляй, в родных названиях оживая, но где Тверская, Разгуляй, Пречистенка и Моховая? Где Знаменка, Охотный ряд, Манежная и Маросейка?.. Слова такие аль не клад? Неужто память — ротозейка? На Сивцев Вражек со стыдом гляжу сегодня — право слово, зачем же строить новый дом за счет гибели былого? Взлетают к небу этажи, ведут полки свои прорабы — их наступленье удержки, кольцо Садовое хотя бы! Его Безличество Стандарт берет в кольцо, и от стандарта столица может пострадать не меньше, чем от Бонапарта!

* * *

Я, обреченный, словно зверь, греша на тяжкий рок, рванул однажды ночью дверь и вышел за порог. Ушел ни к брату, ни к отцу, ни к матери своей — ушел к радужному крыльцу испытанных друзей. Они сказали: «На земле прошли мы тот же круг...» И появились на столе кувшин и кружка вдруг. «Покуда есть друзья, поверь, ты не страшись потерь!» — Друзья постлали мне постель и затворили дверь... Я к зеркалу наедине вплотную подошел. В его туманной глубине себя я не нашел. То ль выпил много я вина, то ль обманула ночь, но там безумная жена и плачущая дочь. «Должно быть, вы пришли за мной, чтоб воротился я? Но проживу без вас земной остаток бытия! Клянусь, вины пред вами нет...»

Вдруг из зеркальной тьмы едва услышал я в ответ: «Мы виноваты, мы...» Стоял я, волю всю собрав, губами шевеля: зачем же, если был я прав, оправдываюсь я? Я прошептал: «Моя вина...» И зашагал я прочь, и отворила дверь жена, и улыбнулась дочь!